

Мрачные врата небесного владыки

Небо уже начало белеть, когда Се Хунъи наконец уснул.

Дань Фэн, сидевший у дверей покоев, чувствовал на себе неотрывный взгляд Чанхэ. Патрульные воины сменяли друг друга, проходя мимо него, словно опасаясь, что он замышляет недоброе.

Эти воины в чёрных доспехах были беззаветно преданы своему господину. Хоть их взгляды и метали в Дань Фэна молнии, готовые испепелить его на месте, они, из уважения к Се Хунъи, не смели издать ни звука.

Где Се Хунъи отыскал таких людей?

Прежде, у озера Белой Пагоды, он привык видеть тень одинокой и колючей. Даже ему, когда он пытался приблизиться, доставалось сполна.

Одинокая душа, блуждающий призрак — к таким труднее всего найти подход.

Лишь в этот миг, окутанный серо-белым туманным рассветом Города Блуждающих Теней, он осознал, что у этого человека когда-то был дом.

И даже после ухода Дань Фэна он остался тем же принцем, окружённым заботой и преданностью.

Дань Фэн, скрестив руки, прислонился к двери и наблюдал, как тень играет с бумажным красным лотосом. В душе его боролись противоречивые чувства: досада на то, что он никак не может ухватить прошлое, что его отталкивают, не впуская в былые времена.

Но вместе с тем он испытывал и странное облегчение.

Незаметно солнце поднялось высоко.

У покоев и впрямь росло полузасохшее дерево шореи. Он сорвал несколько листьев и сплёл из них изумрудный лотос. Тень замерла и, склонив голову, посмотрела на него, но не приблизилась.

— Когда есть за что держаться, тогда и ухватиться можно, верно? — сказал Дань Фэн и, щёлкнув пальцами, отправил изумрудный лотос в полёт. Цветок замер у самого носа тени. Та

возмущённо отпрянула и стремительно растаяла в воздухе.

В тот же миг двери покоев с силой распахнулись. Занавеси взметнулись, и в глубине комнаты показалась сидящая фигура с распущенными волосами. Некоторое время он молчал, лишь тени вокруг него клубились, а шахматная доска и камни были разбросаны по полу.

Дань Фэн, встретившись с его мрачным взглядом, понял, что настроение у него после пробуждения отвратительное.

— Ты всё ещё здесь? — спросил Се Хунъи.

— Всегда был здесь. Видел, ты спал спокойно. Я тебе не снился?

От этих слов на лице Се Хунъи проступила глубокая досада. Он с силой сжал переносицу.

В сравнении с мучительными кошмарами, этот незащитный, глубокий сон тревожил его ещё больше.

Словно он погрузился в бесконечную дрёму, в которой все прежние гнев и обида рассеялись. Он плыл по сияющей глади озера, и пух цветов с Террасы Небесных Звуков из его юности осыпался на него.

А потом он открыл глаза и увидел перед собой то же самое лицо, что и много лет назад. И беспричинный гнев вспыхнул в его сердце.

— Что ещё должен делать твой личный телохранитель? Расчёсывать волосы? Подавать одежду? Можешь не сомневаться, я очень проворен. Постель застелить, одеяло сложить — всё могу, — говорил Дань Фэн сам с собой. — И не надейся от меня избавиться. На твоём лице хоть какой-то румянец появился. Где ты ещё найдёшь такое сильнодействующее лекарство, как я?

— Ты? — холодно усмехнулся Се Хунъи. — Чтобы стать телохранителем, нужно сначала выдержать хорошую трёпку.

— Отлично, — ответил Дань Фэн. — Договорились.

Он заметил приближающихся воинов в чёрных доспехах, вскочил на ноги и широким шагом направился вперёд. Проходя мимо нескольких целителей, он вдруг обернулся и сказал:

— Когда вернусь, положу свою подушку в твоих покоях.

Се Хунъи проигнорировал его, словно тот был пустым местом.

Пока целители ставили Се Хунъи иглы и проверяли пульс, Дань Фэн уже шёл к залу для боевых искусств.

Он нисколько не чувствовал себя гостем и по пути бесцеремонно осматривался, запоминая расположение особняка градоначальника.

Особняк был построен на ледяном озере и занимал более десяти му. Со всех сторон его окружали галереи, а изящные павильоны и башни, покрытые белым инеем, казались вырезанными из льда и снега. Но во всей этой красоте не было никакого порядка. Коридоры порой вели в тупик, прямо к прорубям во льду.

Словно ребёнок взял горсть ледяной крошки и наугад бросил её на песочную доску.

Се Хунъи был так придирчив даже к ниткам на своей одежде, а вот к жилищу относился безразлично.

Впрочем, если верить караванщикам, весь этот город возник на пустом месте.

Главный вход в покои выходил на запад, а с юга к ним примыкала башня с вышивкой. Прошлой ночью именно оттуда выдавали замуж Невесту Ванцзин. Днём двери были плотно закрыты, но сквозь них смутно угадывался силуэт подвешенного на стене циня.

Сейчас на самом высоком карнизе этой башни сидел Чанхэ и сурово наблюдал за Дань Фэном.

Этому начальнику стражи было около сорока лет, лицо его было холодным и строгим. Среди всех воинов лишь он был одет как полководец. Стоило ему обвести взглядом своих подчинённых, как воины в чёрных доспехах тут же выстраивались в боевой порядок, и от них начинало веять смертельной угрозой.

Вжик! Вжик! Вжик!

Там, где проходил Дань Фэн, воины перестраивались, и их чёрные длинные клинки, сверкая, выписывали в воздухе восемнадцать узоров, каждый из которых метил ему в кончик носа.

Эта Формация теней клинков «Железный лотос», оказавшись она в снежных пустошах, заставила бы разбежаться в страхе любого зверя.

Два ряда воинов были авангардом. Они были облачены в тяжёлые доспехи, и из-под шлемов виднелись лишь узкие полоски глаз, сверкающих холодным светом. С первого взгляда они напоминали железные башни.

Слух о том, что Дань Фэн дерзил градоначальнику, уже разнёсся среди воинов. Если раньше

они гнали его из чувства долга, то теперь это была личная неприязнь. Все они потом и кровью заслужили своё место, и как они могли позволить какому-то чужаку занять его?

Прежде чем Дань Фэн ступит на тренировочную площадку, они должны были показать ему, кто здесь хозяин!

Дань Фэн даже глазом не моргнул, лишь бросил ещё один взгляд на Чанхэ.

Хорошее место. Высоко сидит, далеко глядит. Внизу покои, можно слушать, как Се Хуньи играет на цине. Дань Фэну это место сразу приглянулось, и он решил, что позже непременно его отвоюет.

Впереди виднелись величественные павильоны — главный зал для совещаний. Перед ним расстилалась большая ледяная площадка, изумрудно-зелёная, с развевающимися знамёнами. Стойки для оружия были сделаны из костей убитых на охоте зверей. Это и был зал для боевых искусств.

Десяток воинов в лёгких доспехах, с обнажёнными торсами, сидели на костях и поднимали одной рукой блестящие серебряные молоты. Мышцы на их руках вздувались.

У них была своя техника. Руки их отливали медным блеском. Предводитель холодно усмехнулся Дань Фэну и размял запястья.

— У градоначальника три отряда личной охраны, — сказал Чанхэ. — Это мои люди, Стража, несущая фонари. Они отвечают за охрану особняка. Заместитель командира — Дун Фэн. Хочешь бросить ему вызов?

— Новенький? — спросил Дун Фэн. — Ростом-то не обижен. Давай так, я не буду тебя мучить. Подними-ка фонарь.

— О? Поднять фонарь? Так просто? Недооцениваешь меня? — ответил Дань Фэн.

— Вот это и есть фонарь! — крикнул Дун Фэн, вонзив два пальца в лёд, словно в творог. Затем он подцепил и поднял над головой глыбу льда размером с жёрнов!

Эта штука весила не меньше двух-трёх сотен цзиней, но он даже пальца не согнул. Он повернулся несколько раз, демонстрируя свою силу, и на его лице заиграла самодовольная улыбка.

Воины в чёрных доспехах, увидев это, разразились одобрительными криками и застучали рукоятями мечей о землю.

— Дун Фэн ведь заместитель командира! Он сам придумал этот трюк с фонарём. Когда градоначальник ночью читает, он стоит за окном и светит ему! — с завистью и ненавистью сказал кто-то.

— Неудивительно, что он так быстро поднялся. Даже Хуэй Фэна обошёл.

— Давай, — с ухмылкой сказал Дун Фэн. — Фонарь поднять не можешь? Ты, парень, точно струсил!

Эта наглость заставила Дань Фэна почувствовать себя как дома.

Перепалки перед поединками в Обители Сихэ были в восемьсот раз изощрённее. Клятвы, проклятия, хвастовство, бывало, две группы даже плевались друг в друга истинным огнём. Сколько лет он такого не видел?

Дань Фэн нахмурился, посмотрел на его нагрудник и спросил:

— За его окном. И ты в этом стоишь?

— И что с того? — ответил Дун Фэн. — Принимаешь вызов или нет?

Дань Фэн прошёл мимо него и с силой толкнул локтем. Дун Фэна словно молнией ударило, и его отбросило на землю. Ледяной жёрнов вылетел из его рук, но Дань Фэн подставил палец и легко вернул его в прорубь.

Ни малейшего зазора.

— Ты!

— Рисуешься, — сказал Дань Фэн. — Нагрудник в трещинах. С кем дрался?

Ему такое поведение было не по душе. Он обвёл взглядом воинов в лёгких доспехах, и его взгляд был настолько свирепым и злобным, что те даже серебряные молоты поднять не могли. На их руках выступила гусиная кожа.

— Ты... что ты хочешь сделать?

— Дун Фэн ещё не поднялся. Ты к нам пришёл?

Дань Фэн уже бросился на них, каждому по удару локтем, разбивая нагрудники вдребезги и разбрасывая их в разные стороны.

— Промазал, — крикнул он. — Завтра я вам всем по кольчуге в качестве извинения сварю. Носите как следует, поняли?

— И так ты извиняешься?

— Мало? Получите ещё по удару.

— А-а-а-а... не бей, будем носить!

Дань Фэн встряхнул кулаками, и в его глазах блеснул тёмный свет. Он отбросил их в сторону, не причинив серьёзного вреда. Этот провокационный поединок лишь подтвердил его догадки.

Доспехи на этих воинах были новые, но нагрудники — старые, с трещинами, которым было уже много лет. На них даже остались следы битв.

Когда он сбил нагрудники, под ними оказались кроваво-красные дыры. Страшные раны. Когда-то стрелы пронзили их грудь, и раны так и не зажили.

С такими ранениями как можно было выжить?

Таким образом, он убедился, что у всех этих воинов в чёрных доспехах были смертельные раны.

Возможно, именно поэтому они и стали марионетками в руках Се Хуньи.

Пока он на мгновение задумался, рядом просвистел ветер.

Горбун Бучжоу, передвигаясь на четвереньках, бросился на него, как бешеная собака, с такой злобой, словно хотел оторвать от него кусок мяса. У Дань Фэна по спине пробежал холодок.

— Это Бучжоу, — сказал со стороны Чанхэ. — Командир Стражи теневой темницы. Специализируется на допросах.

Бучжоу был безумен. Две его лопатки торчали, как крылья, увешанные тяжёлыми железными кольцами, которые, раскачиваясь, нисколько не мешали его поразительной скорости.

Дань Фэн сразу понял, насколько опасен этот горбун.

Он бегал как конь, таранил как бык, набрасывался как тигр — в общем, не был похож на человека. Его кандалы превращались в оружие, и каждый удар был подобен удару тарана. Он был настоящей боевой машиной из кованого железа.

— Интересно, но недостаточно, — сказал Дань Фэн, схватив его за цепь на спине и отшвырнув в сторону. — Давайте!

Этот поступок вызвал ярость у воинов в чёрных доспехах. Их глаза загорелись, и они окружили его.

— ...Я что, так уж сильно перегнул палку? — спросил Дань Фэн.

— Убить его! — крикнули воины.

— Смеет дерзить градоначальнику, смеет срывать с нас доспехи! Избить его, отрезать ему язык!

Дань Фэн пинком разбудил свой клинок Фэнъе и, взяв его в руки, одним ударом отбил целую волну клинков.

— Обидел вас, извините. Но я так думаю. Кто сильнее, тот и прав. Нападайте все вместе!

Он сражался и уворачивался, и его слова были искренними:

— Даже меня достать не можете, и так вы охраняете градоначальника?

— Ваша техника боя с клинком... я даже не поцарапался! Полагаетесь на смену тени и забыли о боевых приёмах. Одни дыры!

— Без формации Се Хунъи вы просто сборище слабаков! Никакого порядка, бродячие солдаты, старые и больные... о, да вон тот Чайный дядюшка у ворот и то проворнее.

— Не стойте у ворот, пойдите лучше собак наловите, чтобы они вас заменили. Стойка слабая, клинки дрожат, ещё и своих рубите, тц! Бучжоу оставьте, Бучжоу кусается больно.

Чу Луаньхуэя притащил Бучжоу посмотреть на бой. Сейчас он приподнялся, цепи на его руках и ногах были разрублены клинком Фэнъе. Это был хороший шанс сбежать, но, слушая наставления Дань Фэна, он всё выше и выше поднимал брови, и в конце концов его лицо исказилось от чистого ужаса.

— Брат Дань, лучше дерись молча. Людей всё больше и больше, тебя же убьют...

Бесполезно. Дань Фэн уже утонул в море людей.

<http://bllate.org/book/16978/1590762>